

Жизнь и творчество Бориса Шергина

Борис Викторович Шергин родился 28 июля 1893 года в городе Архангельске. Отец Шергина, потомственный мореход и корабельный мастер, передал сыну дар рассказчика и страсть ко всякому «художеству»; мать - коренная архангелогородка, познакомившая его с народной поэзией Русского Севера.

Б.В. Шергин с полным на то основанием подчеркивал: «Родитель мой был старинного рода. Прадеды наши помянуты во многих документах Устюга Великого и Соли Вычегодской». Действительно, род Шергиных был хорошо известен в Великоустюжских землях. Ю.М. Шульман, тщательно изучавший родословную Бориса Шергина, отмечает, что его родовые истоки восходят к глубочайшей древности, а большинство представителей этого рода – «не сановного и не служилого, но все же весьма заметного в народной истории Севера», - были священниками. Родоначальником же «генеалогической ветви, ведущей напрямую к Борису Шергину», Ю.М. Шульман называет Ивана Шергина - сына устюжского священника и зачинателя династии Шергиных-солепромышленников. «В 1865 году, по смерти моего деда, бабушка оставила родину навсегда и уехала в Город к морю. У моря началась трудовая отцова жизнь. Почти всю жизнь он плывал на мурманских пароходах. А матери моей предки (и дед мой по матери) век служили в Адмиралтействе при корабельных верфях», - рассказывал о себе писатель.

Род Шергина по матери - урожденной Старовской - коренные поморы. Прадед писателя Михаил Старовский, «мастер парусного художества», переехал в Соломбалу с берегов Белого моря. Его сын Михаил стал «парусным мастером 3-го класса» и владельцем мастерской по изготовлению парусов. Жила семья Шергиных в небольшом домике на улице Кирочной (ныне К. Маркса) недалеко от ее пересечения с Санкт-Петербургским (ныне Ломоносова) проспектом. Воспоминания о взаимоотношениях родителей, об отношении их к детям, о

родном доме оставили в душе Бориса Шергина ощущение полного и незамутненного счастья. Жизнь, полная любви друг к другу, праведных трудов, увлечения «художеством», навсегда становится для него эталоном жизни. О своей матери Шергин пишет в рассказе «Детство в Архангельске»:

«Я у матери на коленях любил засыпать. Она поет:

Баю, баю да люли!
Спи-ко, усни
Да большой вырастай,
На оленя гонец,
На тетеру стрелец...
...
Бай бай да люли!
...
Ты на елке тетерку имай,
На озерке гагарку стреляй,
Еще на море уточку,
На песочке лебедушку.

Мама на народе не пела песен, а дома или куда в лодке одна поедет – все поет».

Любовь к искусству Севера во всех его многообразных проявлениях - народному поэтическому творчеству и поморской «книжности», иконописи и народной росписи по дереву, к музыке и слову, ко всей богатейшей народной культуре зародилась в будущем писателе именно здесь, в родном доме. Мать его, подруги ее, поморки-соломбалки, хранительницы богатейших северных фольклорных традиций, отец, увлекавшийся изготовлением моделей судов, его друзья-мореходы, Пафнутий Осипович Анкудинов, знавший «на голос добрый десяток старин-былин», давали юному Борису Шергину возможность перенять богатства народного слова и народного искусства самым непосредственным образом - из уст в уста и из рук в руки.

Б.В. Шергин учился в Архангельской мужской губернской гимназии (1903—1912). «Будучи учеником Архангельской гимназии, я сшивал тетради в формате книг и печатными буквами вписывал туда на память то, что казалось мне любопытно. Тщился украсить эти «книжки» и собственноручными рисунками, - рассказывал о себе Борис Шергин. - ...Кисти, краски, стамески, всякий инструмент для резьбы по дереву стали и моей страстью. Кроме кораблей, я делал модели северных церквей; утварь в северном стиле. Страсть к народному, самобытному искусству привела меня в Москву, в Строгановское художественное училище».

Студентом старейшего художественного учебного заведения России - Строгановского центрального художественно-промышленного училища - Борис Шергин стал в 1913 году и никогда не жалел о сделанном им выборе. «Как праздник, вспоминаются мне годы пребывания нашего в Москве, в

Строгановском училище. Талантливые педагоги-художники, такие, как С.С. Голоушев, С.В. Ноаковский, П.П. Пашков искру любви к искусству умели раздувать в пламя. ...Сколько душевного веселья получили мы от наших походов в Абрамцево, Сергиев Посад, в Хотьково, в Богородское. Мы знали, что здесь начиналось возрождение народного искусства», - писал Шергин в рассказе «Виктор-горожанин».

В Москве Шергина заметили. Оценили не только его способности художника, но и прекрасное знание народного слова, умение петь былины, талант сказочника. В 1915 г. он познакомился с пинежской сказительницей Марьей Дмитриевной Кривополеновой, которую привезли в Москву фольклористы. В газете «Архангельск» появилась статья Шергина «Отходящая красота» – о выступлении Кривополеновой в Политехническом музее и о том впечатлении, которое она произвела на слушателей. Шергин общался с учеными-фольклористами. В 1916 г. по инициативе А.А. Шахматова он был направлен Академией наук в командировку в Шенкурский уезд Архангельской губернии для исследования местных говоров и записи произведений фольклора.

В 1917 г., по окончании училища, молодой человек возвратился в Архангельск и работал в Обществе изучения Русского Севера, а затем – в кустарно-художественных мастерских. Признан его вклад в возрождение северных промыслов (в частности, холмогорской техники резьбы по кости). Шергин занимался и археографической работой – собирал старинные книги, альбомы стихов, песенники, древние лоции, записные тетради шкиперов. В 1922 г. Борис Викторович переехал в Москву и стал сотрудником Института детского чтения Наркомпроса. Жил он в подвале, бедно, но постепенно входил в литературную жизнь столицы. В 1924 г. вышла его первая книжка – «У Архангельского города, у корабельного пристанища», оформленная им самим. В ней собраны записи текстов и мелодий фольклорных северных баллад. Но Шергин не просто переложил эти тексты и мелодии, он преобразил их, усиливая поэтическое впечатление. А изящные иллюстрации напоминают о древнерусской живописи. Тройное дарование автора – сказителя, писателя, художника – создало удивительную цельность книги.

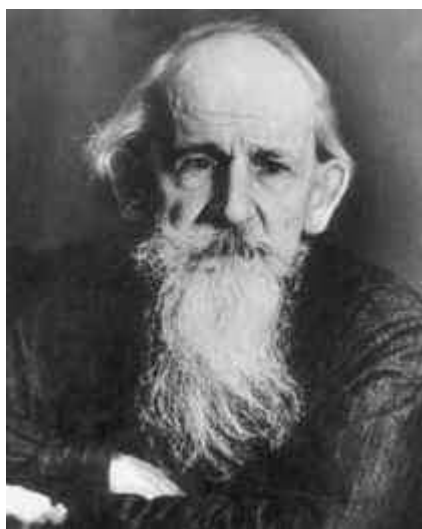
После выхода второй книги – сборника сказок «Шиш московский» (1930) – Шергин стал членом Союза писателей, делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934). Он перешел на профессиональную литературную работу, выступал в различных аудиториях, читая как народные сказки, былины, баллады, так и собственные произведения, написанные на основе фольклорных источников. Затем вышли сборники «Архангельские новеллы» (1936), «У песенных рек» (1939). Книга «Поморщина-корабельщина» (1947) появилась вскоре после выхода печально знаменитого партийного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» и подверглась сокрушительному разгрому официозных критиков. Автора обвиняли в любви к старому поморскому быту, в консерватизме, в отсутствии связей с современностью. Традиционный уклад поморской жизни, отразившийся на страницах книги, весь ее строй и смысл вступали в противоречие с идеями устремленности в бесклассовое и безбожное интернациональное будущее. И

критики испугались: вдруг современному читателю такая жизнь, какой живут герои Шергина, верные духовным ценностям дедов и прадедов, покажется слишком привлекательной, гораздо более привлекательной, чем чертежи безликого общества будущего?

Перед писателем закрылись двери всех издательств. Жил Шергин по-прежнему в подвале, был полуслеп (не мог фактически ни читать, ни писать. Лишь через десять лет, в 1957 году, истинным ценителям творчества писателя удалось добиться издания очередной книги Бориса Шергина – «Поморские были и сказания», вышедшей в «Детгизе» с иллюстрациями знаменитого графика В. Фаворского. В 1959 году появляется один из самых объемных сборников произведений Бориса Шергина – «Океан море русское», а в 1967 – самое полное из его прижизненных изданий – «Запечатленная слава».

На родине Шергина, в Архангельске, сборник его произведений «Гандвик – студеное море» впервые был издан лишь в 1971 г. В конце 1970-х и начале 1980-х годов книги Шергина издавались и в столице, и в Архангельске довольно часто и большими тиражами.

Умер писатель 30 октября 1973 г. в Москве. Похоронен на Кузьминском кладбище.

Экранизации произведений Б.В. Шергина:

- Ваня Датский. Реж. Н.Серебряков. Комп. В.Мартынов. СССР, 1974.
- Волшебное кольцо. Сцен. Юрия Коваля. Реж. Л.Носырев. СССР, 1979.
- Данило и Ненила: Реж. Ю.Трофимов. Комп. В.Дашкевич. СССР, 1989—1990.
- Дождь. Сцен. Ю.Коваля, Л.Носырева. Реж. Л.Носырев. Худож. В.Кудрявцева-Енгальчева. СССР, 1978.
- Золочёные лбы. Сцен. А.Хмелика. Реж. Н.Серебряков. Комп. Э.Артемьев. СССР, 1971. Текст читает О.Табаков.
- Мартышко. Реж. Э.Назаров. СССР, 1987. Роли озвучивают: Л.Куравлёв, Н.Русланова, Н.Корниенко.
- Mister Пронька. По сказке Б.Шергина «Пронька Грезной». Сцен. Ю.Коваля, Л.Носырева. Реж. Л.Носырев. Худож. В.Кудрявцева-Енгальчева. СССР, 1991.

- Пинежский Пушкин. Сцен. и пост. Л.Носырева. Худож. В.Кудрявцева-Енгальчева. Россия, 2000.
- Пойга и лиса. Реж. Н.Голованова. Комп. Н.Сидельников. СССР, 1978. Текст читает И.Рыжов.
- Поморская быль. По старине Б.Шергина «Для увеселения». Реж. Л.Носырев. СССР, 1987.
- Про Ерша Ершовича. Реж. С.Соколов. СССР, 1979. Роли озвучивают: Ф.Иванов, Л.Дуров.
- Смех и горе у Бела моря. По произведениям С.Писахова и Б.Шергина. Реж. Л.Носырев. СССР, 1979—1987.
- Чудо-мороз. По мотивам северных сказов Б.Шергина. Реж. Ц.Оршанский. СССР, 1976[2].
- Матвеева радость (1985).

Театральные постановки по произведениям Б.В. Шергина:

- Московским государственным историко-этнографическим театром был поставлен спектакль по сказкам «Шиш Московский».
- Ярославский «Театр на Набережной» в 1995 году поставил спектакль «Мимолетное виденье» по рассказам Бориса Шергина «Мимолетное виденье», «Пинежский Пушкин», «Митина любовь».

Борис Шергин и природа

Трудно найти писателя, у которого художественное восприятие природы в такой же сильнейшей степени составляло бы самую основу видения и ощущения мира и человека в нем, как у Шергина. Его душа художника жила почти исключительно под воздействием единства тех впечатлений, которые приходили из живой народной жизни и природы, ее окружающей. «... без образов природы, пейзажных деталей художественный мир Шергина немислим, — пишет Е.Ш. Галимова. — В большинстве произведений писателя природа определяет образ жизни человека, формирует его характер. Герои Шергина и окружающий их мир образуют неразрывное единство, одновременно и гармоничное, и внутренне драматичное: человек живет в согласии с природой, постигает ее законы, открывает ее тайны и в то же время вынужден противостоять ей. И такая жизнь представляется писателю самой естественной, соответствующей человеческой натуре». «Любовь к природе - начало многого добра, - сказал Борис Шергин. - Ежели книга природы любимое твое чтение, ты на благодарном пути».

Цитаты из дневников Б.В. Шергина:

«В нашей русской природе есть некая великая простота. Эту простоту скудостью называл поэт. «Эти бедные селенья, эта скудная природа...» Но душевные очи художника в этой простоте видят неистощимое богатство. Серенькое русское небо, жухлого цвета деревянные деревнюшки, берёзки, осинки, ёлочки, поля, изгороди, просёлочные в лужах дороги... Красками как будто бедна. Но богатство тонов несказанно...»

«Жить с природою — телу здравие и душе веселие. Однодумно надо жить с нею и поступать. Надобно знать и переживать, дождь ли идёт, ветер ли, непогодушка — ты слушай, люби. Первый снег напал, ты праздной, как дети-те об этом празднуют».

«Тонкое обаяние русской природы, нежную радость русской весны, настроение какого-нибудь февральского денька, когда начинаются уже оттепели, первый снег на Покров, одиночество сжатых нив, просёлочных дорог, шелест осеннего дождя — всё, что так исцеляет душевные раны, так мирит с жизнью...»

«...Вешние и летние зори сияют нежно, ласково. Сейчас глядит заря осенняя. Пронзительна, резка, плачевна... Но где и когда вот так же остро-зрачно и горько-плачевно глядела мне в душу эта осенняя заря? Это было в молодости, когда я расставался с родным домом. И там я, ладонь к ладони, бил локтями о стол. Кричал тогда: «Прости, отчий дом! Думал, век буду здесь жить, остается век поминать! ...Вышел на пристань. Увидел красоту вечную, превосходящую всякое горе. Было небо, пылающее золотом и розами. Двина катила волны сизые с чернью, а гребни волн отражали огненный закат...»

«Поздний вечер, а за домами стоит еще тихая заря. По переулкам в весенних лужах отражается золото неба и дерева. Тишина ранней весны над городом... Днем над грязными унылыми домами небо столь хрустально чисто, лазурь бледно-голубая, в легких, как кисея, барашках... Стоишь, забудешь, что твой трамвай подошел...»

«...Когда в полдень небеса отуманятся безмерной ровности пеленою, всегда

кажется, что небо и земля задумались. Эта задумчивость родит тишину. Эта задумчивость природы родит тихость в сердце человеческом».

«...Снова развешиваю уголок оконца: сине-зеленая озаренность небес прозрачна несказанно. Весь северо-восток точно иконостас нерукотворный... Еще дома человеческие спят сплошной стеною. Но – как прекрасны живы деревья!»

«...С точки зрения «мира сего», я из тех людей, каких называют «несчастливыми»... Еле брожу, еле вижу. Профессор Маргулис как-то похлопал меня по плечу и, всегда холодный, равнодушный, участливо взглянул:

– Не много ли для одного человека?

Но я думаю: как много кругом несчастья. Как много бедствующих, болящих... Так мало счастливых, в такову печаль упал и лежит род человеческий, особенно сынове российские, что в полку сих страдающих спокойнее быть для совести своей. С плачущими, алчущими, изгнанными, скорбящими... Куда почетнее шествовать путь жития своего, нежели попрыгивать со счастливыми».

«Положена и человеку жизнь с природою, с весною и осенью, с небом и солнцем, с ветрами и дождями. Надо жить, чтобы в полночь слышать пение петуха, а на рассвете мы к коровушке, чтобы у ворот лаял пес, чтобы слышать, как осенью барабанит в крышу дождь и шумит в трубе ветер, а по весне поют птицы...»

«Людам горя не кажу. Что спросят, отвечу весело. Пуще всего бодрись перед близкими».

«Со мною не раз бывало такое: в городе ли, в старом проулке, в деревне ли застигнет тебя, обнимет некое сочетание света и теней, неба и камня, дождя и утра, перекрестка и тумана... и вдруг раскроются в тебе какие-то тайновидящие глаза... И думаешь – когда-то в детстве-юности шел ты и видел ты схожее расположение дороги, света, тени, времени и места. И разум твой раскрывает тебе большее, то есть то, что сейчас с тобою происходит...»

«...И лежащий в печали человек всегда хочет встать да развеселиться. И чтобы сердце твое развеселилось, совсем не надобно, чтоб вдруг изменились житейские обстоятельства. Развеселить может светлое слово доброго человека... Люди нужны людям. Бывают дни удушливо-тоскливы... Но вот точно вольным ветром нанесет к тебе человека с живой душой. И будет он говорить не о твоем горе, а горя твоего часть он унесет. ...Спасти от печали можно только в людях. Доспей себе близких... припаси себе людей. Не живи один, пусть с тобой люди живут, которым ты нужен».

«Сегодня такой «серенький», такой северный день, жемчужно-облачный. Северная весна. Небось там, у северного моего моря, реки распленились от льдов, а берега по взгорьям обсохли. Ветер сегодня весенне-свежий, с родимых моих берегов...»

«Люблю караулить рассвет... Великое это богатство – раннеутренние часы. Чем больше иххватишь, тем ты богаче».

«Всякому человеку надобно иметь стержень некий мысленный... Что же это за стержень? Это, во-первых, степень душевной силы, на которой надобно человеку содержать себя даже при упадке сил телесных. Не падать духом ни при каких житейских неприятностях. Я не говорю здесь о каком-либо душевном горе, я говорю о семейно-бытовых, также о житейских, деловых неурядицах, которые трясут человека и выматывают его пуще лихорадки. Во-вторых, эта душевная сила не есть какое-то нечувствие или бесчувственность».

Писатели и критики о Б.В. Шергине:

Владимир Личутин «Невещественное прочнее осязаемого...»

«Господь послал немало испытаний этому человеку. В юности отрезало трамваем ногу; потом любимая девушка покинула его, и Шергин дал обет монашества; потом пятнадцать лет слепоты и пожизненное одиночество».

Дмитрий Шеваров «Дорогой мне человек, перекинемся душевным словом...»

«Борис Викторович Шергин, сказитель, художник, писатель, все свои призвания употребил не на дело собственной славы, а на сохранение живого русского слова во всем его тысячелетнем течении. Жаль, что его заслуги до сих пор особо не отмечены в учебниках русского языка и литературы, а книги Шергина выходят сейчас так же редко, как и при его жизни. <...> Ни Евангелия, ни икон никогда не прятал Шергин. Ходил в церковь не таясь. Никому, кроме Бога, не кланялся. Жил в привычной нищете, подлинно нищими считал тех, кто обменял совесть на пайки, ордена и автомобили с персональными шоферами. Печатали его редко. <...> Вот и сейчас «нет спроса» на Шергина. Русский язык – будто лес после пожара. Только и виднеются повсюду тлеющие иноязычные названия. Говорим, кажется, на одном языке, но детям уже не вполне ясно, о чем толкуют старики, а для стариков что молодежный сленг, что речи наших политиков – чистая тарабарщина. Того гляди, придется не только Шергина и Бажова, но и Пушкина переводить детям с русского на русский».

Елена Галимова «Духовное зрение Бориса Шергина»

«Ему дано было в особые, просветленные минуты испытывать состояние, действительно приближающее его к состоянию святого человека, стяжавшего душевный мир и радость сердечную».

«Уникальность Шергина, неповторимость его творчества в том, что он сумел органически соединить, слить две художественные системы - литературу и фольклор, дать народному слову новую жизнь - в книге, а литературу обогатить сокровищами народной культуры. Книги Бориса Шергина в наши дни как никогда актуальны и современны, даже злободневны, ибо в пору утраты представлений о духовных и культурных ценностях, оставленных нам в наследство прадедами, они возвращают нас к этим ценностям, вразумляют, радуют, обогащают».

Юрий Коваль «Веселье сердечное»

«Борис Викторович Шергин был русский писатель необыкновенной северной красоты, поморской силы. Истории, которые рассказывает он в книгах, веселые и грустные, случались во времена давние и совсем близкие, и на всех лежит печать какого-то величественного спокойствия, вообще свойственного северным сказаниям...»

Александр Яковлев «Одиссея поморского Гомера»

«Загадка Бориса Викторовича Шергина (1896–1973) не разгадана и по сей день. В нём видели то сказителя, то сказочника, то писателя, то изустного рассказчика, то артиста, то художника-изографа. Вот так и таинственная народная душа, отражённая в его творчестве, не улавливается никаким определением».

